

АГНЕС РАВАТН

.....

ПТИЧИЙ СУД

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.113-5-31
ББК 84(4Нор)-44
P13

«FUGLETRIBUNALET»
by Agnes Ravatn

Серия «На грани: роман-исповедь»

Перевод с норвежского *Марии Назаровой*

Norwegian edition published by Det Norske Samlaget, Oslo.

Печатается с разрешения издательства
Det Norske Samlaget, Oslo
и литературного агентства
Hagen Agency, Oslo.

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Раватн, Агнес.

P13 Птичий суд / Агнес Раватн; [пер. с норв. М. В. Назаровой]. — Москва : АСТ, 2016. — 224 с. — (На грани: роман-исповедь).

ISBN 978-5-17-092186-7

Гонимая стыдом и чувством вины, Аллис оказывается в уединенном доме на берегу моря, где проводит дни, ухаживая за садом и готовя еду для молчаливого хозяина, сорокалетнего Сигурда. Какие тайны они хранят друг от друга? И возможно ли распрощаться с прошлым и начать все с начала? «Птичий суд» — роман о мужчине и женщине, перерастающий в настоящую драму о жизни и смерти.

УДК 821.113-5-31
ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-17-092186-7

Copyright © Det Norske Samlaget 2013
© Назарова М.В., перевод, 2016
© ООО «Издательство АСТ», 2016

I

Мое сердце билось все чаще, пока я пробиралась через маленький лес. То тут, то там крики птиц, а кроме них только серые, голые деревья, и то тут, то там сине-зеленый шум под тусклым, бледным апрельским солнцем. Там, где стена леса окружала холм, показалась небрежная аллея из белых ветвистых берез. На верхушке каждой березы виднелись большие запутанные ветви, словно строящиеся гнезда. В конце аллеи — поблекший штакетный забор и ворота. За воротами — домик. Маленький, старый деревянный дом с крышей, покрытой лоскутами шифера.

Я беззвучно закрыла за собой ворота, пересекла дворик и поднялась по нескольким ступенькам крыльца к двери. Постучалась, но никто не открыл, и я почувствовала легкое волнение. Поставила сумки на лестницу, спустилась и пошла по каменным плитам, образующим небольшую дорожку вокруг дома. Оттуда открывался прекрасный вид: фиолетовые горы с белоснеж-

Агнес Раватн

ными верхушками покоились на другом берегу фьорда. Одинокий лес окружал владение с обеих сторон.

Он стоял на другом конце сада среди нескольких тонких деревьев, высокая фигура в темно-синем шерстяном свитере. Вздвогнул, когда я окликнула его. Повернулся, помахал рукой и пошел в мою сторону, шагая тяжелыми сапогами по серо-желтому полю. Я затаила дыхание. На вид ему было около сорока, и он ничуть не выглядел неухоженным. Я скрыла удивление под улыбкой и сделала несколько шагов к нему. Темноволосый, крепкого сложения, он протянул мне руку, отводя взгляд.

— Сигурд Багге.

— Аллис Хагторн, — представилась я, легко пожав его большую руку. Ничего в его взгляде не указывало на то, что он меня узнал. Может быть, он просто хороший актер.

— Где ваш багаж?

— С другой стороны дома.

Сад за его спиной выглядел как серая зимняя трагедия погибших кустов, мокрой соломы и зарослей шиповника. Скоро придет весна, и тут разрастутся джунгли. Он заметил мое взволнованное выражение лица.

— Да. Тут есть чем заняться.

Я улыбнулась, кивнув.

— Сад — это проект моей жены. Мне нужен помощник, пока она в отъезде.

Птичий суд

Я последовала за ним, обходя дом. Он взял по сумке в каждую руку и зашел внутрь, обернувшись:

— Вы можете не разуваться.

Провожая меня на второй этаж, он шел тяжелой поступью по старым ступеням. Моя комната оказалась обставлена просто: узкая кровать, застеленная бельем в цветочек, комод и письменный стол. Пахло чистотой и свежестью.

— Милая комната.

Он повернулся, не ответив, наклонил голову, кивнув в сторону моей ванной; мы спустились по лестнице, снова на улицу, через дворик и к маленькому сараю. Дерево зашумело, когда он отворил дверь и показал на стену: грабли, лопата, лом.

— Для самой высокой травы воспользуетесь косой, умеете?

Я кивнула, глотнув.

— Здесь вы найдете большинство из необходимого. Садовые ножницы, — продолжил он. — Я был бы рад, если бы вы смогли как-то привести в порядок изгородь. Если понадобятся еще инструменты, сообщите, я дам денег.

Он и не пытался смотреть на меня, когда говорил. Я прислуга, нужно определить дистанцию с самого начала.

— Много людей откликнулось на объявление? — вырвалось у меня.

Агнес Раватн

Он бросил на меня взгляд из-под черной челки.
— Достаточно.

Его надменность казалась напускной, но неприятно кольнула меня. Я — его собственность, делай что хочешь. Мы обошли дом дальше по каменным плитам и прошли в сад, мимо ягодных кустов и фруктовых деревьев. Воздух был резкий и свежий, пахло влажной землей и мертвой травой. Он открыл низкие чугунные ворота и повернулся ко мне.

— Сильно заржавели, — сказал он. — Может быть, вам удастся что-то сделать с этим.

Я толкнула ворота и вошла за ним. Крутая каменная лестница с высокими ступеньками вела к краю сада и выходила прямо во фьорд. Считая ступеньки, я остановилась четко на сотой. Мы оказались на небольшой пристани с маленьким сараем для лодки по правую руку. Склоны гор образовали полукруг и закрыли пристань с обеих сторон. Это напомнило мне место, где я научилась плавать почти тридцать лет назад, около летнего домика, который снимали мои родители.

— Здесь так хорошо.

— Я подумываю как-нибудь разобрать сарай, — сказал он, отвернувшись от меня. Ветер с фьорда развеивал его волосы.

— У вас есть лодка?

— Нет, — кратко ответил он. — Ну что же. Тут для вас не так много работы. Но теперь, по крайней мере, вы увидели, как все это выглядит.

Он развернулся и быстро пошел вверх по лестнице.

Птичий суд

...Его спальня была на первом этаже, рядом с кухней и столовой, с окном, выходящим в сад. В спальне же был и кабинет.

Там он просиживал большую часть времени.

— Вы нечасто будете меня видеть, и я хочу, чтобы меня отвлекали как можно меньше.

На это я кивнула один раз и медленно, демонстрируя, что поняла всю серьезность.

— К сожалению, у меня нет машины, но есть велосипед с корзиной для покупок. Магазин в пяти километрах на север по шоссе. Завтрак нужно подать в восемь: два яйца вкрутую, селедка, два кусочка темного ржаного хлеба и черный кофе, — объяснил он мне. — По выходным вы в принципе свободны, но если вы все равно тут, можете готовить завтрак на час позже обычного. В час дня — обед. В шесть — ужин, с кофе и коньяком после.

И он исчез в своем кабинете, а я смогла свободно ознакомиться с кухней. Посуда в основном не новая, но добротная. Я открыла полки и шкафы, попробовав сделать это как можно тише. В холодильнике лежал кусок трески к обеду.

Скатерти были сложены в нижнем кухонном ящике, я выбрала одну и расстелила ее на обеденном столе, перед тем как накрыть его так тихо, как только могла. Ровно в шесть часов он вышел из спальни, отодвинул стул и уселся за стол в ожидании. Я поставила блюдо с рыбой на середину стола, миску с картошкой прямо перед ним. Выдвинула свой стул, собираясь сесть, но он быстрым движением руки остановил меня.

Агнес Раватн

— Нет. Вы едите после меня.

Он посмотрел перед собой.

— Это я виноват, наверное, я не очень ясно выразился насчет этого.

Я сглотнула, схватила свою тарелку и быстро переставила ее на разделочный столик, не произнеся ни слова, уродливо ссутулившись.

Пока он ел, я налила воду в раковину и мыла кастрюлю с половниками. Он сидел с прямой спиной и ел, не издавая ни звука, не поднимая глаз. Я поставила кофе, неловким движением достала коньяк из стеклянного шкафа и убрала со стола, когда он отложил приборы. Налила кофе в чашку, коньяк в тоненький бокал, поставила все на поднос и, качаясь, отнесла ему. Когда он поднялся, поблагодарил за еду и ушел к себе в кабинет, я села за стол и съела свою остывшую порцию, положив наполовину растаявшее масло в картошку. После домыла посуду, протерла стол и поднялась в свою комнату. Разобрала все свои вещи, разложила одежду, носки и белье в комод, а книги в стопку на стол. Проверила, выключен ли мой телефон, и положила его в ящик стола. Никогда больше не буду его включать, кроме как в неотложном случае. Потом я сидела в полной тишине, боясь издать звук. Снизу ничего не было слышно. В конце концов я приняла душ и легла спать.

Лезвие косы, должно быть, затупилось. Я обругала мокрую желтую траву, которая гнулась, как бы сильно и быстро я ни била по ней. Было

Птичий суд

облачно, воздух влажный. Он ушел в свой кабинет сразу же после завтрака. По пути на улицу я заметила проблеск своего отражения в зеркале. До меня дошло, как потрепанно я выгляжу. Старые штаны, в которых я красила дом у родителей летом около пятнадцати лет назад. Нашла их дома в шкафу два дня назад, когда собиралась сюда, вместе с рубашкой в пятнах от краски. Мои родители вздохнули с облегчением, когда я ушла на автобусную остановку следующим утром.

Я почувствовала это спиной. Пот под рубашкой. Крошечные насекомые вились вокруг меня, садились на голову, лоб, все чесалось. Мне приходилось все время останавливаться, снимать перчатки и тереть лицо. Длинный желтый клочок соломы так и оставался на месте в насмешку надо мной, я махала косой изо всех сил.

— Я бы на вашем месте попробовал железные грабли.

Я мгновенно обернулась. Сзади стоял Багге. У меня, наверно, был совершенно сумасшедший вид: красное лицо, лохмотья пятнадцатилетней давности. Челка прилипла к потному лбу, я на автомате провела рукой по коже и почувствовала, как к ней пристала земля.

— Коса не поможет, когда трава мокрая.

— Да. — Я выдавила улыбку, поставив на себе крест.

— И не забудьте про обед. — Он показал на свои наручные часы, развернулся и ушел.

Я бросила быстрый взгляд на дом, на окно его кабинета. Там он стоял и скептически наблюдал

Агнес Раватн

за моими неумелыми попытками садоводства, пока наконец не смог больше сдерживаться и спустился ко мне. Я расстроилась. Отнесла косу обратно в сарай и повесила ее на стену. Взяла грабли, прошлась ими по полю и наполнила тележку скользкой мертвой травой.

Велосипед стоял в дровнике, за сараем с инструментами. Старый, шустрый, с узкими шинами и рогами*, поездка в магазин на нем заняла пять минут. Это оказалась маленькая, забытая богом бакалея за поворотом, прямо через мост. Входная дверь громко скрипнула. Других покупателей не было. Пожилая продавщица за прилавком кивнула в ответ на мое приветствие. На полках были пакеты с едой быстрого приготовления, салфетки и свечи, несколько видов хлеба, молочных продуктов и один прилавок с замороженными полуфабрикатами, фрукты и овощи на развес, взвешивать нужно самому.

Продавщица пристально следила за мной орлиным взором, пока я ходила между полупустых полок. Ее критический взгляд нельзя было истолковать превратно. Она меня узнала. Я поняла это и, неловкими движениями сложив покупки в корзинку, решила побыстрее уйти. Прошла к прилавку, чтобы заплатить, выложила покупки, не глядя ей в глаза. Она пробила мои товары, не изменившись в лице. Руки и кожа в морщинах, опущенные

* Велосипед старого образца с «рогатым» рулем. — *Здесь и далее — прим. пер.*

Птичий суд

уголки рта, вот такой она была, думала я с облегчением по пути домой, я тут ни при чем, это у нее такое отношение к жизни.

Прошумев на узких шинах с корзинкой покупок за спиной мимо фьорда и влажного, мерцающего черного склона горы по правую руку, уворачиваясь от проезжающих машин, я выехала на крутую дорожку из гравия и поставила велосипед к дровнику. Прошуршала через дворик ко входу. Что-то здесь было не так: супружеская пара жила тут, не ухаживая за садом, без машины, он целыми днями сидит в своем кабинете. Жена уехала. Я поставила свои покупки и принялась готовить ужин.

Пошевелиться было невозможно. Тело тяжелое, как чугунные ворота, ничего не гнется. Сначала я долго лежала, уставившись на сучки на потолке, пока наконец не смогла перевернуться на матрасе и скатиться на пол. Дура. Когда я последний раз занималась физической работой? Никогда. Пока мне не пришло в голову часами чесать граблями траву и мотыжить тяжелую землю.

Уродливо переваливаясь между обеденным столом и кухней, я подала ему завтрак. Мне было стыдно, я знала, что мои неуклюжие движения раздражают его. Наливая ему кофе, я издала тяжелый стон, и трудно было сказать, кому из нас было тягостнее.

— Переработала вчера в саду, — осторожно произнесла я извиняющимся тоном.

Агнес Раватн

Он покашлял и вместо ответа посмотрел мимо меня.

Потом он прошел к себе в комнату, не сказав ни слова. Когда я осталась одна пить горький кофе, настроение у меня упало. Я была так горда, когда работала в саду накануне, очистила все поле от мертвой травы, в надежде, что он увидит меня из своего окна. Спина просто одеревенела.

На следующий день все стало еще хуже, мучения приносил каждый шаг. Весь день я старалась не садиться, потому что не знала, смогу ли потом снова подняться на ноги. Мой садоводческий энтузиазм продлился всего один день. Так всегда было. Я берусь за что-то с огромным рвением и никогда не доделываю до конца. Нет у меня терпения, воли добиться результата. Я так надеялась, что именно это во мне изменится — воля, дисциплина. Но для выработки воли нужна именно воля. Мне нужно стать серьезнее, обрести характер. Сейчас или никогда. Здесь у меня было все, что нужно: уединенность, свободные дни, обязанностей мало и они просты и понятны, я была свободна от чужих взглядов и разговоров, и у меня был целый сад только для себя.

Вечером седьмого дня, когда я поставила перед ним поднос с кофе и коньяком и собиралась отойти, он остановил меня движением руки. Был вторник, я готовила ему обеды уже неделю, и идеи истощались. Сегодня — курица с эстрагоном. По-

Птичий суд

недельник — котлеты из сайды с жареным луком. Воскресенье — стейк из телятины. Суббота — стейк из говядины. Пятница — жареная форель с салатом из огурцов. Четверг — вареные сосиски с белым соусом. Среда — вареная треска.

— Аллис.

Он произнес мое имя в первый раз.

— Да?

— Возьмите себе чашку и присядьте.

Я сделала, как он сказал. Он налил кофе в мою тоненькую фарфоровую чашку.

— Прошла неделя, как вы здесь, — сказал он, посмотрев вниз на край стола.

Я ничего не ответила.

— Вам нравится здесь? — спросил он, подняв глаза.

— Да.

— Вы могли бы побыть здесь еще какое-то время?

— Да, конечно. Спасибо.

— Вы получите первую зарплату, когда пройдет месяц. Это вас устроит?

Я кивнула.

— У вас есть вопросы?

Я немного помедлила.

— Как долго здесь будет для меня работа?

— Пока моя жена в отъезде, мне будет нужна помощь по дому и по саду. Всю весну и все лето, до начала осени.

— Мне это подходит.

Он плеснул коньяка в мой маленький бокал. И поднес свой к моему.

Агнес Раватн

— Тогда выпьем за это.

Я подняла бокал и, не раздумывая, чокнулась с ним с почти неслышным звоном. Я покраснела, и мы посидели молча. Он не выказал желаний продолжить разговор и сидел, нахмутив лоб под темной челкой. Я выпила свой кофе и коньяк и, не дожидаясь его ухода, встала из-за стола и начала мыть посуду. Я услышала, как он отодвинул свой стул и исчез в комнате, пока я заливала водой сервиз. Я похолодела при мысли о том, что все было решено, я остаюсь здесь, но в то же время разгорячилась: у меня есть где жить, не нужно возвращаться, можно мирно жить тут.

Несколько солнечных дней спустя сад начал высыхать. В конце концов, я справилась с косой и скосила все до короткой торчащей соломы. Я вспотела на холодном воздухе. Бесцветное полслеполуденное солнце уже заходило за гору, и у меня одеревенела спина. Я огляделась. Там и сям начали показываться весенние первоцветы. В один день шел снежный ливень, а следующий принес летнюю птичку — во всем этом не было никакой логики. Я прошлась граблями по полю, очистив его от сорняков и грязи, и отвезла все в тележке на край сада. Из-под сорняков показались старые клумбы с черной застывшей землей. Я еще их не трогала, может, там есть лук, семена и что-то живое под тем, что на поверхности. Иногда я поворачивалась и смотрела на дом во время своей работы и видела в окне мимолетный взгляд Багге. Не знаю, стоял ли он там и смотрел на меня или просто про-

Птичий суд

ходил мимо. Я отвезла инструменты обратно в сарай, обстучала землю со своих рабочих сапог о стену веранды и пошла в свою ванную. Наполнила ванну водой, залезла и отскребла землю от тела, воодушевившись новой возможностью существования. Работать под открытым небом, почувствовать это телом, вдохнуть в легкие свежий воздух. Никогда не думала, что перемена возможна. Не сама собой. Никогда. Эта мысль приносила облегчение и угнетала одновременно. Но теперь... Заставить себя делать это — работать в саду. Очистить все, дать возможность расти. Вот оно, спасение, — здесь я могла создать себя, свое целостное «я», здесь, где ничто не было связано со мной прежней. Очиститься и освободиться от долга, жить с чистым сердцем. Я вынула затычку, и вода утекла. Начисто промыла тело и волосы под душем и вышла из ванной. Внизу были слышны шаги Багге, это мог быть только он. Я вытерлась, оделась и вошла в свою комнату. Из окна я увидела, как он пересек двор и прошел в сад, может быть, для проверки. Его большие ботинки похрустывали по сухой соломе, его спина исчезла за фруктовыми деревьями и вниз по ступенькам к набережной. Я почувствовала шевеление вверху живота. Мужчины, подумала я, какие они красивые. Некоторые из них. Голоса, плечи. Я быстро вышла из комнаты и взялась за ручку двери напротив; было заперто. Остановилась у лестницы и подумала, не обыскать ли молниеносно все вокруг. От этой мысли сердце застучало громче, и я не решилась.